

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В БИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОПУЛЯЦИЙ*

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА И БИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Представление о том, что общественная среда играет очень значительную роль в формировании биологических особенностей человеческих групп, давно и прочно утвердилось в советской антропологии. И тем не менее при анализе отдельных конкретных ситуаций это положение использовалось реже, чем оно того заслуживает; в большинстве случаев исследователи концентрировали внимание на природных условиях расовой дифференциации. Заслуга В. П. Алексеева заключается в том, что он еще раз поднял вопрос о взаимоотношении социальных и биологических процессов и, главное, попытался не ограничиваться общими словами, а наполнить этот вопрос реальным содержанием.

Рассмотрев многочисленные примеры, автор заключает, что у человека процессы расообразования протекают интенсивнее, чем у животных. Однако В. П. Алексеев, как мне кажется, ослабляет этот вывод, утверждая, что роль естественного отбора и генного дрейфа уменьшается в процессе развития человеческого общества.

По мнению многих современных биологов, в том числе и советских, случайный дрейф генов не играет существенной роли в биологической эволюции. Гипотеза о том, что человеческие расы возникли благодаря случайным процессам¹, имеет очень мало сторонников. Но можно ли думать, что в человеческих коллективах эти случайные процессы имеют меньшее значение, чем в сообществах животных? Ведь у животных действуют только природные факторы внутривидовой изоляции, а у человека — и природные, и социальные. Кроме того, при прочих равных условиях ослабление роли отбора ведет к усилению роли генного дрейфа. Есть ли, однако, основания считать, что отбор ослабевает в процессе человеческой эволюции? Да, есть, если речь идет о селективной роли смертности. В коллективах, достигших высоких ступеней общественного развития, этот фактор действительно утратил решающее значение. Улучшение жизненных условий снижает требования к физическому типу человека. Неодинаковая интенсивность отбора посредством смертности — одна из причин биологической дифференциации как в пределах всего человечества, так и внутри этносов. У охотников и собирателей частота наследственно обусловленных дефектов зрения ниже, чем в группах с

* Начало дискуссии см.: «Сов. этнография», 1976, № 4, 5.

¹ А. А. Малиновский. Биологические и социальные факторы в происхождении расовых различий у человека. — «Природа», 1947, вып. 7.

развитым производящим хозяйством²; представители низших сословий общества иногда превосходят представителей высших сословий по своему физическому развитию³.

Основным же селективным фактором у человека является дифференциальная рождаемость. Колебания плодovitости в человеческом обществе намного сильнее, чем в пределах зоологических видов, и могут служить причиной существенных эволюционных изменений⁴. Вопреки мнению В. П. Алексеева, вполне возможно, что межгрупповые различия в рождаемости в какой-то мере генетически обусловлены. Несомненно, в конечном счете все демографические показатели регулируются социально-экономическими факторами. Другой вопрос — как осуществляется это регулирование. Вполне вероятно, что чем больше была роль естественных (наследственных) механизмов в поддержании оптимальной численности популяции, тем реже приходилось прибегать к искусственным мерам ограничения прироста населения и, следовательно, в тем более выгодном положении оказывалась группа⁵. Но не только по своему происхождению, а и по своим следствиям групповые различия в демографических показателях могут иметь отношение к биологии. Неодинаковые темпы естественного прироста населения иногда приводят к сдвигу в распределении антропологических типов⁶.

Вместе с тем в некоторых обществах рождаемость все еще играет меньшую эволюционную роль, чем смертность⁷. Успехи медицины огромны, но все-таки до сих пор многие люди умирают до окончания репродуктивного периода, и, главное, как показывают многочисленные исследования, люди с разными физическими особенностями неодинаково восприимчивы к различным заболеваниям, а также и к патогенным факторам искусственного происхождения.

Меняющаяся социальная среда постоянно создает новые возможности для биологических изменений, отсутствующие в животном мире. Наиболее существенно здесь то, что человек сам более или менее активно способствует таким изменениям. Любой геноцид целиком и полностью обусловлен социально-экономическими причинами, но его последствия часто затрагивают уже не только социально-экономическую, но и антропологическую сферу. Людей истребляли обычно за их социальную, политическую или этническую принадлежность, но иногда только за какие-то особенности их внешнего облика. В IV в. н. э. китайский император Ши Минь приказал уничтожить всех до единого хуннов в государстве; в результате резни погибло и множество китайцев с сильно выступающими носами⁸, т. е. с признаком, напоминающим антропологический облик хуннов. Пример этот, конечно, уникален, но разве убийства людей только на том основании, что у них темная кожа, не относятся к той же категории? Такие явления, по-видимому, совершенно не имеют зоологических параллелей.

Человек создал также новые предпосылки для действия обычных селективных факторов, определяющих ход эволюции в животном мире. Биологические закономерности остаются теми же, но у человека они проявляются в совершенно особых условиях. Рабочие, много лет прора-

² R. H. Post. Notes on relaxed selection in man.— «Anthropologischer Anzeiger», Jg. 29, 1965.

³ Н. Н. Чебоксаров. Физический тип китайцев различных социальных групп.— «Антропологический журнал», 1935, вып. 1.

⁴ R. A. Fisher. The genetical theory of natural selection. Oxford, 1930, p. 188—199.

⁵ C. B. Goodhart. World population growth and its regulation by natural means.— «Nature», v. 178, № 4533, 1956.

⁶ F. S. Hulse. Some factors influencing the relative proportions of human racial stocks.— «Cold Spring Harbor Symposia on Quantitative Biology», v. 22, 1958.

⁷ «Genetic selection in man». Ann Arbor, 1963, p. 16, 17, tabl. 3, 4.

⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Статистическое описание Китайской империи, ч. II. СПб., 1842, с. 74, 75.

ботавшие в горячих цехах, отличаются от контрольной группы меньшим весом, более удлиненными пропорциями тела, более вытянутыми конечностями. При обследовании рабочих, сравнительно недавно поступивших на металлургический завод, выяснилось, что индивидуумы, отличающиеся значительным весом и относительно малой поверхностью тела, часто обнаруживают симптомы сердечно-сосудистых заболеваний и вообще мало приспособлены для работы при высокой температуре окружающего воздуха⁹. Отбор, следовательно, идет в полном соответствии с известными экологическими правилами Бергмана и Аллена, но в условиях искусственной, созданной человеком среды.

Роль профессионального подбора совершенно различна на разных уровнях общественного развития. В ранние эпохи, когда производственная специализация была мало развита, этот подбор мог приводить в некоторых случаях к закреплению в пределах группы одного определенного комплекса биологических признаков, благоприятствующих тому или иному виду хозяйственной деятельности в данных природных условиях. Об этом же писал еще Л. Крживицкий в своей не очень удачно названной книге¹⁰. С усилением общественной дифференциации роль подбора изменилась. Если вначале он способствовал возникновению географически локализованных комплексов признаков, то впоследствии создавал в основном комплексы, имеющие социальную и профессиональную приуроченность. Такие комплексы В. Пфитцнер назвал «стратиграфическими расами». В масштабах всего человечества «стратиграфические» расы различаются слабее, чем «географические», поскольку последние возникли гораздо раньше — в этом В. П. Алексеев прав. Но он неправ, утверждая, будто у человека, симпатрическое расообразование, т. е. такая форма расообразования, при которой различные расовые комплексы возникают в пределах одной и той же территории, вообще не может играть существенной роли. Антропологические различия между социальными группировками достаточно отчетливы, и наследственная обусловленность этих различий, на мой взгляд, не вызывает никаких сомнений¹¹. Вопрос лишь в том, каким образом они возникли за такой сравнительно короткий срок. Нужно прежде всего учесть, что «стратиграфические» расы в отличие от «географических» создаются и сохраняются в значительной мере в результате сознательных действий людей. Конечно, и здесь играет какую-то роль «естественный» отсев (вспомним пример с металлургами), но несравненно большее значение имеет социальная мобильность. Исследования в разных странах показали, что люди, переходящие из одной социальной группы в другую, сближаются по своим физическим признакам не с той группой, которую они покидают, а с той, к которой они присоединяются, причем это можно обнаружить еще до того, как осуществляется переход¹². Нетрудно понять, почему астенично сложенный и физически слабый сын кузнеца предпочтет нарушить семейную традицию и стать, например, портным. Но почему в отдельных случаях люди, уезжающие из деревни в город, отличаются от своих односельчан в среднем более темным цветом глаз (как это установлено, например, исследованиями в Силезии)¹³? Понять такого рода явления становится легче,

⁹ D. Zannini, S. Colli, L. Fontana. Constitution individuelle et adaptation au travail dans les conditions de surcharge thermique.— «Biotypologie», t. 25, № 2, 1964.

¹⁰ Л. Крживицкий. Психические расы. СПб., 1902; A. Brues. The spearman and the archer.— «American Anthropologist», v. 61, № 3, 1959.

¹¹ Н. Н. Чебоксаров. Указ. раб.; E. Schreider. Un mecanisme selectif possible de la differenciation sociale des caracteres biologiques.— «Revue de la Societe de Biometrie Humaine», t. 2, № 1—2, 1967.

¹² Л. П. Николаев. Национальные и социальные различия в размерах головы и в некоторых соматоскопических признаках у населения Харьковского округа.— «Материалы по антропологии Украины», сб. 2. Харьков, 1926; R. L. Cliquet. Social mobility and the anthropological structure of populations.— «Human Biology», v. 40, № 1, 1968.

¹³ I. Schwidetzky. Bauern als Siebungsgruppe.— «Homo», B. 11, H. 1—2, 1960.

если учесть, что черты физического типа связаны с особенностями психики и темперамента, по-видимому, посредством каких-то биохимических процессов¹⁴.

Однако «стратиграфические расы» имели бы лишь ограниченное антропологическое значение, если бы они существовали только благодаря естественному отбору и социальной мобильности. Главное состоит в том, что социальные и профессиональные группировки в значительной степени определяют брачную структуру населения. Например, в Индии межкастовые браки все еще составляют менее 1%, в результате чего сохранились возникшие в древности антропологические различия между кастами¹⁵. Лишь в редких случаях социальные прослойки характеризуются столь сильной эндогамностью, однако в любом обществе социальный фактор играет достаточно важную роль при заключении браков. Иногда этот фактор принимает форму регламентации, иногда же речь идет лишь о том, что контакты между людьми в пределах одной социальной группировки в среднем интенсивнее, чем контакты между представителями разных группировок.

Что касается физических особенностей людей, заключающих браки, то уже давно было замечено и статистически подтверждено, что супруги отличаются друг от друга в среднем несколько меньше, чем люди, случайно выбранные из той же генеральной совокупности. Это явление, получившее название гомогамии, зафиксировано во многих странах. Приводимый В. П. Алексеевым в качестве единственного проявления гомогамии пример с рыжеволосыми людьми неудачен, так как в этом случае, по-видимому, наблюдается как раз не предпочтение, а отталкивание (гетерогамия). В то же время достоверная положительная корреляция между супругами отмечена по многим признакам¹⁶. В большинстве случаев, правда, связь эта невелика (0,1—0,2); для роста она выше (0,3—0,4), а коэффициенты корреляции по психическим качествам достигают 0,6—0,8 (последнее, вероятно, в какой-то мере вызвано совместной жизнью супругов)¹⁷. Особый интерес представляет гомогамия по признакам, разграничивающим географические расы. В. П. Алексеев считает, что такая форма предпочтения не может создать расовых различий, так как она сама возникает вследствие осознания этих различий. Да, это так, если думать, что расы — это только наследие далекого прошлого, а к расовым признакам относить лишь те, которые возникли в глубокой древности. Но последовательно придерживаясь такого взгляда, мы столкнемся с некоторыми затруднениями. В некоторых странах Латинской Америки существует гомогамия по признакам, дифференцирующим европеоидов и негроидов¹⁸. «Европеоидный» комплекс признаков концентрируется в высших слоях общества, «негроидный» — в низших. Слова «европеоидный» и «негроидный» не случайно заключены здесь в кавычки. Конечно, сама гомогамия в латиноамериканских странах — наследие прошлого. Но ведь население там уже сильно перемешано, а эти расовые комплексы снова и снова как бы выкристаллизовываются из этой смеси в результате гомогамии. Чем дольше продолжается этот процесс, тем в меньшей степени внешние особенности людей могут служить свидетель-

¹⁴ W. Bernhard. Psychische Korrelate der Augen- und Haarfarbe und ihre Bedeutung für die Sozialanthropologie.—«Homo», B. 16, H. 1, 1965.

¹⁵ L. D. Sanghvi. Genetics of caste in India.—«Physical anthropology and its extending horizons». Calcutta, 1973.

¹⁶ R. Knussmann. Das Partnerleitbild des Menschen in vergleichend-biologischer Sicht.—«Studium Generale», Jg. 18, H. 1, 1965; J. N. Spuhler. Assortative mating with respect to physical characteristics.—«Eugenics Quarterly», v. 15, 1968.

¹⁷ J. N. Spuhler. Behavior and mating patterns in human populations.—«The structure of human populations». Oxford, 1972.

¹⁸ F. P. Thieme. The population as a unit of study.—«American Anthropologist», v. 54, № 4, 1952; J. Benoit. Du social au biologique: étude de quelques interactions.—«L'Homme», t. 6, № 1, 1966.

ством их происхождения, что легко проверить, используя признаки, не затрагиваемые гомогамией, например группы крови. По таким признакам все население может оказаться однородным. Что же касается черт внешнего облика, то, придерживаясь традиционного представления о расе, мы должны будем считать эти признаки уже не расовыми, а классовыми¹⁹. Впрочем, гомогамия по признакам, разграничивающим антропологические типы, отмечалась и внутри социально однородной группы²⁰.

Рассмотрим еще один пример. Как известно, в некоторых странах Европы в течение последних 100—150 лет, а возможно и раньше, население становилось в среднем более темнопигментированным, между тем как сколько-нибудь значительной метисации с представителями иных расовых типов не происходило. Одно из наиболее убедительных объяснений этому факту было предложено более 100 лет назад, когда Дж. Бэддо обнаружил, что английские женщины, имеющие темные волосы, значительно чаще выходят замуж, чем их соотечественницы блондинки. Автор справедливо заключил, что если такое положение сохраняется в течение нескольких поколений, то это может служить совершенно достаточной причиной эпохального сдвига интенсивности пигментации²¹. Такого рода половой отбор, так же как и гомогамия, происходит вследствие осознания уже существующих антропологических различий. Поэтому и здесь возникает сходная проблема: нужно ли считать, что изменение пигментации в эпоху палеолита в процессе адаптации к климату представляет собой явление расогенеза (образование северной ветви европеоидной расы), а изменение пигментации за последние столетия в результате эстетических склонностей людей не имеет отношения к расогенезу? Мне представляется, что ни давность генетических изменений, ни их причины не должны входить в определение расы. С этой точки зрения, расой можно считать любую группу людей, характеризующуюся специфическим комплексом наследственно обусловленных биологических особенностей. Что же касается факторов, вызывающих генетические различия между этими группами, то все эти факторы в равной мере представляют интерес для антрополога. Все они пока еще очень слабо изучены, и нет оснований придавать чрезмерное значение одним факторам в ущерб другим.

Итак, многообразие причин, которые способствуют нарушению панмиксии, и, как следствие этого, высокая степень генетической структурированности составляют несомненную специфику человеческого вида по сравнению с видами животных. Вот почему В. П. Алексеев совершенно прав, указывая, что применение к человеческим коллективам термина «популяция» (панмиксическая группа) связано со значительными ограничениями. Так, в пределах городов, по-видимому, часто нарушается панмиксия: жители разных кварталов и представители разных социальных слоев обнаруживают существенные различия по соотношению генных частот²². Обитатели одной деревни также могут составлять в отдельных случаях не одну популяцию, а несколько²³. И даже маленькие островки, каждый из которых как бы естественно приспособлен служить местом обитания одной панмиксической группы, иногда вмещают по несколько человеческих популяций, различающихся по своим антропологическим

¹⁹ G. A. Harrison. Human variation and its social causes and consequences.— «Proceedings of the Royal Anthropological Institute for 1970». London, 1971.

²⁰ B. Rosinski. Anthropogenetische Auslese.— «Anthropologischer Anzeiger», Jg. 6, Hf. 1, 1929.

²¹ J. Beddoe. On the supposed increasing prevalence of dark hair in England.— «The Anthropological Review», v. 1, 1863.

²² R. M. Nicoli, A. Penaud, P. F. Battaglini. L'équilibre des populations humaines dans une grande ville moderne: Marseille.— «L'Anthropologie», t. 78, № 2, 1974.

²³ M. K. Szilagyi. Turricse nepesegenek fontosabb antropometriai jellemzoi (с английским резюме).— «Antropologiai Közlemenyek», v. 18, № 1—2, 1974.

ческим особенностям²⁴. Все это создает огромные затруднения для исследователей. Каждый антрополог знает, как сильно получаемые им результаты зависят от степени однородности исследуемых групп. Иногда кажется, что все правила комплектования выборки соблюдены — материал однороден и в этническом, и в территориальном, и в возрастном отношении. Между тем анализ фиксирует какие-то странные корреляции, не поддающиеся никакому разумному биологическому объяснению и явно отражающие лишь механическую смешанность группы. Именно такие корреляции, случайные, эфемерные, не имеющие ни малейшего отношения к фундаментальным особенностям человеческой биологии, вводили и, вероятно, продолжают вводить в заблуждение многих авторов, в частности приверженцев теории наследования расовых признаков единым комплексом.

В заключение повторим, что вопрос о социальных факторах биологической дифференциации человеческого вида, к сожалению, все еще не привлекает у нас того внимания, какого он заслуживает. Чем более широко этот вопрос будет дискутироваться в научной среде, тем более ясная картина создастся из отдельных наблюдений и тем меньше останется почвы для расистских предрассудков.

А. Г. Козинцев

²⁴ W. J. Schull, T. Yanase, H. Memoto. Kuroshima: the impact of religion on an island's genetic heritage.— «Human Biology», v. 34, № 4, 1962; J. Benoit. Указ. раб.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ О СООТНОШЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И БИОЛОГИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Я не предполагал сначала выступать с заключительным словом в ходе дискуссии, полагая, что в статье, с которой она началась¹, точка зрения сформулирована достаточно отчетливо, дискутируемая группа вопросов сложна и ожидать по ним единства мнений в настоящее время невозможно. Однако подобная позиция, без всякого умысла с моей стороны, может быть воспринята как нежелание реагировать на критику или считаться с ней. Поэтому я попытаюсь разъяснить мое отношение к некоторым темам, затронутым в откликах на мою статью, и высказать отдельные соображения по общим проблемам, обсуждавшимся в ходе полемики.

Мое положение затрудняется тем, что в статьях моих оппонентов часто сформулированы в достаточно определенной форме взаимоисключающие точки зрения. Для В. И. Козлова причина обсуждения вопросов, поднятых в статье «О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций», неясна, так как они дискутировались в нашей литературе в 30-е годы. Г. Е. Марков, А. И. Першиц и А. Г. Козинцев отмечают своевременность появления этой статьи и ак-

¹ В. П. Алексеев. О роли социальных факторов в биологической дивергенции человеческих популяций.— «Сов. этнография», 1976, № 4. Отклики на статью В. П. Алексеева помещены в № 4 и 5 журнала «Сов. этнография» за 1976 г., а также в этом номере журнала. Далее ссылки на них будут даваться в тексте (с указанием номера стр.).